

М.В. Жолудов

Лорд Пальмерстон и Россия (к истории англо-русских отношений в Европе в 30-е годы XIX века)

Лорд Пальмерстон был виднейшим британским дипломатом XIX столетия. Занимая посты министра иностранных дел (1830-1834, 1835-1841, 1846-1851) и премьер-министра (1855-1858, 1859-1865), он имел возможность напрямую влиять на формирование внешнеполитического курса Великобритании. Эти годы вошли в анналы британской внешней политики под названием «пальмерстоновской эры». Отношения с Россией были ключевой проблемой на протяжении всего периода политической активности Пальмерстона. Геополитические интересы Великобритании и России, двух великих мировых держав, за это время неоднократно перекрещивались в различных дипломатических и военных кризисах, что вынуждало лорда определять свою личную позицию по отношению к России. В отечественной исторической литературе довольно подробно освещалась роль Пальмерстона в разработке британской политики в восточном вопросе накануне и во время Крымской войны¹. Однако начальный этап внешнеполитической деятельности лорда, когда он в течение двух сроков возглавлял Форин Оффис (1830-1841), активно занимаясь европейскими проблемами, остается малоизученным, хотя именно в это время начали складываться взгляды Пальмерстона на Россию и русскую политику.

Первое выступление лорда в парламенте по вопросу, связанному с политикой Российской империи, состоялось в феврале 1830 года за несколько месяцев до его вхождения в правительство Великобритании. Оно было связано с резким обострением так называемого «восточного вопроса» из-за русско-турецкой войны 1828-1829 годов. Пальмерстон, выступая в палате общин, обвинил торийское правительство герцога Веллингтона в пассивности в восточном вопросе. По его мнению, Великобритания должна была смелее вмешаться в русско-турецкий конфликт, что могло спасти Турцию от поражения. Пальмерстон заявил, что турецкое поражение и заключение выгодного для России Адрианопольского мира создавали опасность появления русских войск в Турции и

¹ *Виноградов К.Б., Сергеев В.В.* Лорд Пальмерстон. Жизнь и политическая деятельность // Новая и новейшая история. 1990. № 4; *Их же.* Лорд Пальмерстон: на вершине политического Олимпа // Викторианцы: Столпы британской политики XIX в. Ростов-на-Дону, 1996; *Тарле Е.В.* Крымская война. Ч. I // *Тарле Е.В.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 8; *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

расширения русской границы в южном направлении, что явно не соответствовало британским интересам². Очевидно, что уже тогда Пальмерстон рассматривал Россию как главного соперника Великобритании на Ближнем Востоке, явно опасаясь усиления российского влияния в этом регионе. Однако непосредственным разрешением восточного вопроса он занялся лишь через несколько лет.

Речь Пальмерстона была замечена и вызвала положительный резонанс среди британской общественности, что, в свою очередь, пробудило у него вкус к занятию внешнеполитическими проблемами. С тех пор дипломатия стала его любимым делом. К тому же лорд обладал неплохими способностями к изучению иностранных языков, блестяще говорил на французском и итальянском. Пальмерстон имел также опыт работы в правительстве, с 1809 по 1828 год он занимал должность секретаря по военным делам.

В середине ноября 1830 года после продолжительного кризиса пал торийский кабинет герцога Веллингтона. 20 ноября было объявлено о создании лидером вигов лордом Греем нового правительства, в котором Пальмерстон получил место министра иностранных дел. Респектабельная газета «Таймс» положительно оценила это назначение: «Лорд Пальмерстон имеет большой опыт в качестве главы трудного департамента и, как можно судить по его публичным заявлениям, является сторонником либеральной политики в отношении с зарубежными государствами»³. Пальмерстон пришел в Форин Оффис в 46-летнем возрасте, имея за плечами двадцатилетний опыт парламентской и государственной деятельности, в очень беспокойное для Европы время. Июльская революция во Франции нанесла мощный удар по Венской системе международных отношений, дав толчок развитию национальных движений в ряде европейских стран. В августе произошла революция в Бельгии, в конце ноября началось восстание в Царстве Польском. Бельгийский и польский вопросы стали стержневыми в европейской политике. Именно этими двумя проблемами в первую очередь пришлось заниматься Пальмерстону, сев в кресло руководителя британской дипломатии. И ему сразу же пришлось столкнуться с позицией России, по-своему видевшей решение бельгийского и польского вопросов.

В начале 30-х годов XIX века состояние англо-русских отношений выглядело внешне весьма пристойно, Англия и Россия официально поддерживали дружественные отношения. Об этом свидетельствует послание английского короля Вильгельма IV Николаю I от 29 июня 1830 года: «По поводу моего вступления на трон этого королевства прошу Ваше Императорское Величество быть уверенным в моем постоянном желании развивать и

² Opinions and Policy of the right honourable viscount Palmerston. L., 1852. P. 131.

³ Times. 1830. 22 Nov.

поддерживать дружеские отношения и переписку, которые так счастливо существуют между нашими двумя коронами и которые я, со своей стороны, не хотел бы прекращать, так как они ведут к развитию и процветанию благосостояния Вашей империи»⁴.

Российские дипломаты в Лондоне в своих донесениях в Петербург дАрхив внешней политики Российской империи дали в целом благожелательные характеристики новому британскому кабинету и его членам. Так, посланник А.А. Матушевич в специальной депеше на имя вице-канцлера Российской империи графа К.В. Нессельроде отмечал, в частности, что «в отношении ораторских талантов, присутствие которых является одним из обязательных условий представительной формы правления, новое правительство – одно из замечательных, какие когда-либо существовали. Оно собрало почти всех из самых красноречивых представителей обеих палат»⁵. Однако такая характеристика вряд ли относилась к Пальмерстону, обладавшим непривлекательным голосом и замедленными манерами при произнесении речей, с которыми он мог выступать лишь после тщательной подготовки. Его политическим оружием было не слово, а перо, которым он мастерски пользовался, составляя грозные дипломатические ноты и протесты.

Российские дипломаты казалось были удовлетворены назначением лорда Пальмерстона руководителем Форин Оффис. Посол России в Великобритании князь Х.А. Ливен дал ему блестящий отзыв в своем донесении в Петербург: «...это человек достойный и честный в полном смысле слова, искренний, открытый, добросовестнейший исполнитель своего слова; он обладает живым умом, быстрым соображением, здравым рассудком. И так как он долгое время участвовал в министерстве лорда Ливерпуля, потом Каннинга и даже герцога Веллингтона, то дела ему нисколько не чужды и не затрудняют его. К несчастью, добросовестность далеко не была отличительной чертой прежнего министерства. В этом отношении мы не только ничего не потеряли, но, наверное, выиграли»⁶. Однако вскоре выявились серьезные расхождения в позициях России и Великобритании в отношении европейских дел.

Бельгийская революция привлекла пристальное внимание великих европейских держав. В ноябре 1830 года национальный конгресс Бельгии провозгласил независимость страны. Было объявлено об отделении Бельгии от Нидерландского королевства, к которому по решению Венского конгресса она была присоединена насильно, вопреки экономическим и политическим интересам бельгийского народа, его языку и религии. Как поступить с

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. Канцелярия. 1830. Д. 97. Л. 75.

⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Д. 139. Л. 347.

⁶ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, Т. II. Трактаты с Англией. 1801-1831. СПб., 1895. С. 444.

бельгийцами, посмевшими нарушить трактаты Венского конгресса? На этот вопрос должны были ответить и Великобритания, и Россия, являвшиеся гарантами целостности Нидерландского королевства.

2 октября 1830 года нидерландский король Вильгельм I Оранский, отчаявшись своими силами подавить бельгийскую революцию, обратился с письмом к монархам пяти великих держав Европы (Великобритании, Франции, России, Австрии и Пруссии). Он требовал от них немедленного вооруженного вмешательства с целью разгрома революции в Бельгии. «Я думаю, – писал король, – что не заблуждаюсь, полагая, что вопрос, о котором идет речь, касается не только моих собственных владений, но и всей Европы»⁷. Из пяти европейских правителей лишь один российский император Николай I с готовностью откликнулся на призыв нидерландского короля. В своем ответном письме он заявил: «Интересы всех правительств и мир всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Проникнутый этими убеждениями, я готов выполнить в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства во всем их объеме и в части, касающейся меня, я не колеблюсь ответить на призыв Вашего Величества: уже отдан приказ, чтобы были собраны необходимые войска»⁸. Таким образом, российское правительство было готово к началу открытой интервенции против бельгийской революции.

Царские дипломаты прекрасно понимали, что для успешного выполнения плана интервенции России необходимы союзники. Особое внимание уделялось привлечению Великобритании к антибельгийской акции. К.В. Нессельроде в инструкции русскому посланнику в Нидерландах писал: «Таким образом, посылка помощи королю Нидерландов поставит нас перед решением двойной задачи: помочь ему привести к послушанию его восставших подданных и не допустить, чтобы наша интервенция привела к всеобщей войне. Но для достижения этой цели необходимо сотрудничество Англии...»⁹. Как явствует из его же послания российским представителям в Лондоне от 11 октября 1830 года, Николай I объявил английскому правительству о своей готовности немедленно выставить армию в 60 тысяч человек для того, чтобы вместе с союзными державами поддержать «единство Бельгии с Голландией». Царь очень рассчитывал на участие Великобритании в вооруженной интервенции против Бельгии и полагал, что если на границах Франции появится 20-тысячный корпус «красных мундиров» (т.е. английских войск. – М. Ж.), то это произведет должное впечатление и на французов, и на бельгийцев¹⁰.

⁷ Красный архив. 1941. Т. 1 (104). С. 217.

⁸ Там же. С. 230.

⁹ Там же. С. 235.

¹⁰ Мартенс Ф. Указ соч. Т. II. С. 430.

Однако после длительных колебаний английский кабинет все же отказался поддержать инициативу русского царя. 17 октября 1830 года министр иностранных дел Великобритании лорд Абердин официально уведомил нидерландское правительство о том, что английские войска не будут посланы в Бельгию и что в Лондоне вскоре состоится конференция представителей пяти великих европейских держав с «целью воспрепятствовать тому, чтобы возникшие в Нидерландах беспорядки вызвали нарушение всеобщего европейского мира»¹¹. Таким образом, России не удалось сколотить антибельгийскую коалицию. Угроза немедленной расправы над восставшей Бельгией, на чем настаивал Николай I, миновала.

Лорд Пальмерстон, сменивший Абердина на посту министра иностранных дел в конце ноября 1830 года, более решительно пошел по пути пересмотра трактатов Венского конгресса в пользу утверждения бельгийской независимости. Этого требовали экономические интересы Великобритании, которой был необходим надежный канал для сбыта своей продукции на континенте. Небольшое, политически слабое и экономически зависимое от Англии бельгийское государство прекрасно подходило бы для этого, к тому же на территории Бельгии находился один из крупнейших морских портов Европы – Антверпен. Общественное мнение Великобритании, с которым уже не могли не считаться ни британский парламент, ни лорд Пальмерстон, было целиком на стороне революционной Бельгии. О серьезности этого фактора Х.А. Ливен писал в депеше Нессельроде в декабре 1830 года: «Печально высказывать, но опасно скрывать ту истину, что Англия в настоящий момент сделалась беспомощною для энергичного выполнения трактатов (имелись в виду трактаты Венского конгресса. – М. Ж.). Все ее средства зависят от направления общественного мнения»¹².

В ноябре 1830 года в Лондоне открылась конференция представителей пяти великих держав Европы по бельгийскому вопросу. В ее работе приняли участие послы Франции, России, Австрии, Пруссии и министр иностранных дел Великобритании. Конференция должна была обсудить широкий круг вопросов, касающихся дальнейшей судьбы Бельгии.

Пальмерстон стал сразу же играть главную роль на лондонской конференции, чему способствовал ряд благоприятных для него факторов. Во-первых, конференция проходила в британской столице, что было исключительно удобно для лорда. Он мог более оперативно и гибко строить свою политику, используя преимущество «родных стен». Другим же участникам конференции приходилось неделями ждать инструкции своих правительств. Во-

¹¹ Цит. по: *Лозинский С.Г.* История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., б.г. С. 45.

¹² *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 445.

вторых, позиции Англии существенно укреплялись альянсом с Францией (еще 15 октября 1830 года был подписан англо-французский протокол по бельгийскому вопросу для координации усилий дипломатов двух стран). Пальмерстон и французский посол, ветеран европейской дипломатии, князь Ш.-М. Талейран выступили единым «либеральным фронтом» против представителей трех абсолютистских государств, которые были не прочь поддержать претензии нидерландского короля. Позиции России были значительно ослаблены начавшимся в конце ноября 1830 года восстанием в Царстве Польском. Российской дипломатии пришлось признать невозможность возвращения Бельгии в состав Нидерландского королевства. К.В. Нессельроде в депеше Х.А. Ливену от 4 декабря 1830 года с горечью констатировал тот факт, что «лондонская конференция находится накануне изменения основ политического существования Бельгии»¹³.

Воспользовавшись разобщенностью противников и учитывая явную безнадежность позиций нидерландского короля в Бельгии, Пальмерстон сумел навязать лондонской конференции свою политику. 20 декабря 1830 года конференция признала независимость Бельгии. Протокол от 20 января 1831 года, составленный Пальмерстоном, определил границы нового государства и провозгласил его «вечный нейтралитет».

Другой, более серьезной, проблемой англо-русских отношений в начале 30-х годов XIX века стала ситуация, возникшая в результате начала национального восстания в Царстве Польском. Руководство польским движением оказалось в руках представителей верхушки шляхетской аристократии. Руководители восстания, по оценке «Таймс», «клика эгоистичных аристократов, равнодушных к народному делу и заботящихся только о себе»¹⁴, отказавшись от развертывания подлинно народной войны, сделали ставку на помощь иностранных государств, в первую очередь Англии и Франции. В Париж и Лондон были направлены польские эмиссары с просьбой о помощи. Франция, ослабленная недавней Июльской революцией, не решалась выступить в одиночку. Министр иностранных дел Франции Себастиани прямо признался польскому посланнику князю Леону Сапеге, что его страна ничего не сможет сделать одна и что полякам следовало бы получить от Англии обещание о поддержке восстания. «Без этого Франция не может помочь полякам даже путем дипломатических переговоров», – заявил Себастиани¹⁵. Таким образом, судьба польского восстания во многом зависела от позиции Великобритании.

¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Д. 137. Л. 346.

¹⁴ Times. 1831. 10 Jan.

¹⁵ Сапеге Л. Мемуары князя Леона Сапеге. Пг., 1915. С. 32.

Казалось, Англия была именно той страной, которая могла бы содействовать успеху польского восстания. Британское правительство лорда Грея неоднократно заявляло о поддержке либеральных движений за рубежом. Британское общество было «либерализовано» размахом агитации за принятие парламентской реформы. Общественное мнение страны было явно на стороне поляков, газеты раздували русофобские настроения. Даже обычно сдержанная, респектабельная «Таймс» опубликовала на своих страницах подборку антирусских заметок¹⁶.

Однако британский кабинет не спешил оказать поддержку восставшим, заняв выжидательную позицию. Британскому послу в Петербурге лорду Хейтсбери было предписано «сохранять самую большую осторожность по отношению ко всему, что касалось дел Польши»¹⁷. Та же газета «Таймс» вместе с пожеланиями полякам успеха «во имя справедливости, гуманизма и свободы» писала, что Англия не готова, подобно Франции, «призывать к активной помощи в деле, хотя и славном, но тем не менее не оправдывающем внешнего вмешательства»¹⁸.

Правда, вскоре под давлением общественного мнения лорд Пальмерстон был вынужден направить лорду Хейтсбери запрос о возможности переговоров с российским правительством по польскому вопросу. Ответ посла начисто отвергал такую возможность. Лорд Хейтсбери докладывал, что царское правительство чрезвычайно чувствительно относится к вопросу об иностранном вмешательстве в дела Польши, причем настолько, что этот вопрос едва ли может стать предметом переговоров, а любой совет будет воспринят как оскорбление. «Любое предложение о посредничестве, – писал он в ответной депеше в Лондон, – исходит оно от Франции или какой-либо державы, будет принято, я уверен, с крайним негодованием и приведет к неутешительному результату»¹⁹.

Выяснив позицию царского правительства, британский кабинет счел возможным принять польских представителей – князя Сапегу и маркиза Александра Велепольского. Премьер-министр лорд Грей и министр иностранных дел лорд Пальмерстон, встречаясь с польскими эмиссарами, заявили, что английское правительство не видит серьезных оснований для вмешательства в дела Царства Польского²⁰. Таким образом, надежды поляков на действенную помощь Англии не оправдались.

¹⁶ См.: Times. 1831. 4 Jan.

¹⁷ Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 164.

¹⁸ Times. 1831. 1 Jan.

¹⁹ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia Respecting the Affairs of Poland. 1831-1832. L., 1861. P. 1.

²⁰ Сапега Л. Указ. соч. С. 136; Спасович В.Д. Жизнь и политика маркиза Велепольского. СПб., 1882. С. 26.

Провал миссий польских эмиссаров был встречен с восторгом российскими дипломатами Лондоне. Так, жена русского посла княгиня Д.Х. Ливен в частном послании лорду Грею открыто восхищалась действиями британского премьера, считая его сторонником России в польском вопросе: «Ваше положение так высоко, что по необходимости величайшая важность придается всем вашим действиям, и вот почему Император, прекрасно осведомленный о действиях польских агентов и здесь, и в других странах, оценил и выразил свою признательность вам за вашу прямую и дружественную политику в отношении его к полякам»²¹. Грей в ответном письме княгине, подчеркивая свои дружеские симпатии к России, выражал «искреннее желание», чтобы «были найдены средства окончить это злополучное дело (русско-польский конфликт. – М.Ж.) так, чтобы не восстановить общественное мнение Европы против вас (России. – М.Ж.)»²².

Однако пассивность английского правительства в польском вопросе объяснялась не только «симпатиями» к России. Британская дипломатия в то время была больше обеспокоена сложностью ситуации в постреволюционной Бельгии и не хотела серьезно отвлекаться на польские дела. Бельгийский вопрос представлялся правящим кругам Великобритании более важным и перспективным, нежели польский. Польша не слишком интересовала британскую буржуазию, для которой она являлась ненадежным (по сравнению с развитой Бельгией) торговым партнером. Идея польской независимости была для английских политиков абстрактным принципом, о чем заявил лорд Пальмерстон, выступая в палате общин парламента с внешнеполитической концепцией своего правительства: «Великобритания не вмешивается во внутренние дела стран, где имеют место гонения на либеральные принципы, так как не имеет смысла начинать войну из-за абстрактных принципов»²³.

Вмешательство Англии в польские дела означало бы для нее непереносимое столкновение с могущественным соперником – Российской империей, обладавшей сильной армией и неплохим флотом. Отношения двух держав и без того были серьезно осложнены борьбой за влияние на Балканах и Ближнем Востоке. Дальнейшее обострение ситуации вполне могло привести к началу англо-русской войны. Лорд Пальмерстон крайне скептически относился к требованию радикалов начать войну против России. Располагая сильнейшим в мире военно-морским флотом, Великобритания не имела большой сухопутной армии, тогда как лишь победа англичан на суше могла заставить Россию изменить свою польскую политику, но одержать таковую «ладычица морей» была не в состоянии. Поэтому

²¹ Александренко В.Н. Из переписки княгини Ливен с графом Греем. 1824-1841. Варшава, 1891. С. 18.

²² Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. Т. 115. Кн. 9. С. 692.

²³ Opinions and Policy... P. 249.

Пальмерстон не скрывал своего мнения: «Мы никогда не направим армию в Польшу, а сожжение русского флота даст тот же эффект, что и сожжение Москвы»²⁴. Английский дипломат явно намекал на бесславный конец похода армии Наполеона в Россию в 1812 году.

В феврале 1831 года русские войска под командованием фельдмаршала Дибича вступили на территорию Королевства Польского. В связи с этим английская пресса усилила антирусскую агитацию. Чтобы успокоить пропольски настроенное общественное мнение страны, английское правительство все же решилось осторожно выступить в защиту конституционных прав Царства Польского. В инструкции лорду Хейтсбери от 22 марта 1831 года Пальмерстон писал: «Любое изменение, которое повлечет за собой включение Польши в состав Российской империи и уничтожение раздельного управления и конституции, было бы нарушением Венского договора, и тогда Англия и все остальные страны-участницы этого соглашения имели бы беспорное право протестовать»²⁵. Британскому послу в Петербурге рекомендовалось тщательно наблюдать за изменениями в решении Россией польского вопроса и энергично протестовать против любой меры, которая не будет соответствовать условиям Венского договора. Необходимость дипломатического вмешательства Пальмерстон объяснял стратегическими интересами Великобритании в Центральной Европе. Он обращал внимание посла на то, что границы Королевства Польского находятся в «опасной близости» от столиц Австрии и Пруссии. Поэтому окончательное включение Королевства в состав Российской империи могло привести, по мнению Пальмерстона, к усилению русских позиций в Австрии и Пруссии и приданию «политике этих двух держав характера, очень отличающегося от того, каким он мог бы стать, будучи свободным от внешнего влияния»²⁶. Одновременно министр иностранных дел предупреждал своего посла о необходимости воздерживаться от «недружественных дискуссий с русским правительством, с которым правительство Его Величества при нынешних обстоятельствах (имелись в виду заинтересованность Англии в нейтральной позиции России в бельгийском вопросе и осложнение англо-русских отношений на Ближнем Востоке. – М.Ж.) более чем когда-либо желает поддерживать самые тесные дружественные отношения»²⁷.

Попытка английской дипломатии «защитить» поляков была такой мягкой и осторожной, что в Петербурге ее едва заметили. Лорд Хейтсбери, получив упомянутые нами инструкции, имел непродолжительную беседу с вице-канцлером Российской империи графом К.В. Нессельроде, которому изложил претензии британского правительства. Нессельроде, спо-

²⁴ Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England, 1830-1902. Oxford, 1970. P. 33.

²⁵ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia... P. 2.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 3.

койно выслушав посла, заметил, что поляки первыми нарушили Венский договор, низложив русского царя с польского престола, поэтому Россия вправе наказать «непослушных». Он также выразил сожаление по поводу «необдуманных действий» Великобритании и Франции в защиту восставших. А по поводу обеспокоенности Великобритании усилением русских стратегических позиций в Центральной Европе вице-канцлер заверил английского посла в том, что и Австрия, и Пруссия заинтересованы в скорейшем подавлении польского восстания и не возражают против включения польских земель в состав Российской империи²⁸. Таким образом, никаких серьезных последствий эта беседа не имела. Слова К.В. Нессельроде по существу означали отказ России обсуждать с английскими дипломатами польский вопрос. Позиция России в этом вопросе была прямой и недвусмысленной – никаких уступок польским мятежникам. Пальмерстон же впоследствии ставил себе в заслугу то, что никогда «не скрывал своего мнения от русского правительства», которое «тем не менее имело другую точку зрения по этому (польскому. – М.Ж.) вопросу»²⁹.

Тем временем в Лондон из Царства Польского поступали тревожные сообщения о неуклонном продвижении царских войск к Варшаве. «Польская трагедия близится к развязке», – мрачно предвещала «Таймс»³⁰. В британской столице все более сочувственно воспринимались вести об упорном сопротивлении поляков. Либеральная пресса не жалела красноречия в защиту польского дела. «Таймс» с возмущением писала о нерешительности европейских правительств, постоянно откладывающих признание польской независимости. Полякам, как говорилось в редакционной статье газеты, приходилось довольствоваться «лишь бесплодными симпатиями свободных наций». «Таймс» признавала, что польское движение в основном опирается на внутренние ресурсы, на патриотический подъем жителей Польши³¹.

В июле 1831 года французская дипломатия вновь предприняла попытку склонить Англию к вмешательству в польские дела. Французский посол в Лондоне князь Талейран передал Пальмерстону письмо, в котором излагалось предложение французского короля совместными усилиями двух держав прекратить кровопролитие в Польше и «сохранить политическое существование народа, который показал себя достойным этого благодаря большому мужеству и патриотизму и который имеет гарантии Венского конгресса на сохранение национального суверенитета»³².

²⁸ Ibid. P. 4.

²⁹ Opinions and Policy... P. 241.

³⁰ Times. 1831. 7 Mar.

³¹ См.: Times. 1831. 1 July.

³² Great Britain. Foreign Office. Correspondence with Prince Talleyrand respecting Poland. L., 1831. 1861. P. 2.

Пальмерстон ответил решительным отказом. Однажды потерпев неудачу, он не хотел испытывать судьбу еще раз. К тому же в Лондоне продолжала свою работу конференция послов пяти держав (Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии) по бельгийскому вопросу, который интересовал его гораздо больше польского. Поэтому Пальмерстон не собирался лишней раз вызывать недовольство русского царя, позиция которого в бельгийском вопросе его вполне устраивала. Английский дипломат прекрасно видел, что дальнейшее развитие событий в Польше неизбежно приведет к разгрому восстания. Силы противоборствующих сторон были слишком неравными. Против польской повстанческой армии численностью около 55 тысяч человек со 140 орудиями действовала царская армия в 115 тысяч человек и 336 орудий³³.

В ответном письме Пальмерстон в свойственной ему дипломатичной манере от имени своего монарха отверг французское предложение: «Его Величество, глубоко сожалея о несчастных последствиях губительного соперничества, считает, что не настал еще час, когда он мог бы решиться на поступок, который, будучи примиренческим по форме, тем не менее может беспокоить независимую державу (Россию. – М.Ж.), известную ревнивым отношением к своим правам и чрезвычайно чувствительную ко всему, что может задеть ее национальную честь»³⁴. Одновременно он объявил А. Матушевичу, что Англия отныне не признает за собой права вмешиваться в дела Польши, и поэтому отказывается от поддержки французской политики в этом вопросе³⁵. Оставшись в одиночестве, Франция не осмелилась открыто выступить против России. Надежды поляков на помощь западных держав окончательно рассыпались. Они оказались один на один с военной мощью Российской империи.

Отказавшись от поддержки польского восстания, кабинет лорда Грея тем не менее не торопился с обнародованием своего решения. На это существовали весьма серьезные внутрисполитические причины. Грей и Пальмерстон прекрасно понимали, что опубликование такого решения вызвало бы широкое недовольство среди различных слоев английского общества и неминуемо привело бы к падению их правительства. Поэтому лорд Пальмерстон тщательно конспирировал деятельность Форин оффис в этом направлении. Дипломатическая переписка по польскому вопросу, например, была опубликована лишь в 1861 году, за четыре года до смерти лорда. Соккрытие документов позволяло Пальмерстону лицемерно заверять британскую общественность в своей приверженности либеральным принципам во внешней политике. Одновременно он продолжал поощрять пропольскую кампанию в прессе.

³³ История Польши: В 3 т. // Под ред. В.Д. Королюка и др. М, 1954. Т. 1. С. 443.

³⁴ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with Prince Talleyrand... P. 3.

³⁵ См.: Мартенс Ф. Указ. соч. С. 448.

Британские газеты убеждали англичан в том, что успех польского восстания принесет «неоценимые выгоды» европейским странам и что беспорна целесообразность вмешательства европейских правительств в ход этого восстания на стороне поляков»³⁶.

Царские войска 8 сентября 1831 года заняли Варшаву. После падения польской столицы восстание продолжалось не менее месяца. В начале октября оно было окончательно подавлено. Николай I жестоко расправился с восставшими: тысячи поляков были осуждены на каторгу, сосланы в Сибирь, отданы в солдаты. Сотни польских семей были переселены в глубинные губернии России. В феврале 1832 года Николай I подписал так называемый «Органический статут», который заменил ликвидированную конституцию 1815 года и окончательно уничтожил автономные права и привилегии Королевства Польского.

Когда война за независимость была поляками проиграна, английское правительство сочло выгодным для себя вновь выступить в роли «защитника» Польши. Ему было необходимо сохранить «либеральное» лицо и как-то оправдать перед своей страной пассивность в польском вопросе. В депеше лорду Хейтсбери от 23 ноября 1831 года Пальмерстон позволил себе рекомендовать российскому правительству придерживаться «разумной» политики в отношении поверженной Польши, провести полную амнистию восставших, за исключением тех, кто повинен в «убийствах», восстановить конституцию Царства Польского, гарантированную Венским конгрессом. Рекомендации английского министра не были приняты официальными кругами в Петербурге. Хотя царским правительством была проведена частичная амнистия, но ее значение свелось к тому, что власти не применили смертной казни. В ответной депеше лорд Хейтсбери сообщил Пальмерстону, что правительство России отказалось признать британскую интерпретацию Венского договора³⁷.

В исследованиях зарубежных историков часто встречаются утверждения об «искренних симпатиях» лорда Пальмерстона к польскому национально-освободительному движению в начале 30-х годов XIX века. При этом приводятся многочисленные ссылки на его выступления в парламенте, частную и официальную переписку. Однако слова Пальмерстона о том, что он «хотел бы видеть Польшу независимой»³⁸, явно не опирались на его реальную политику и оставались лишь тонко рассчитанной интригой и демагогическими рассуждениями. Британская дипломатия относилась к конституционным и национально-освободительным движениям в Европе явно с государственно-прагматических позиций.

³⁶ Times. 1831. 20 July.

³⁷ См.: Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the government of Russia... P. 10.

³⁸ Bourne K. Op. cit. P. 219.

Пальмерстон однажды выразил свою внешнеполитическую доктрину в следующих словах: «Когда люди спрашивают меня, что называется политикой, единственным ответом может стать следующее: мы намерены делать то, что кажется нам лучшим в каждом отдельно взятом случае, ставя превыше всего Интересы Нашего Государства»³⁹. В случае с польским восстанием 1830-1831 годов англичанам было выгодно не вмешиваться. Либеральные фразы о необходимости защиты польской независимости являлись не более чем прикрытием истинной позиции Великобритании. В свою очередь российские дипломаты, приняв условия игры, не воспринимали всерьез частые демарши англичан в поддержку польского восстания.

Об авторе:

Жолудов Михаил Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

³⁹ Temperley H., Penson L. The Foundation of the British Foreign Policy. L., 1938. P. 88.